

Р.М. Нуреев

ПО ИСТОРИИ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Ростов-на-Дону
2010

УДК 32
ББК 60.0
КТК 050
Н 90

Нуреев Р.М.

Н 90 Очерки по истории институционализма / Р.М. Нуреев. — Ростов н/Д : Изд-во «Содействие — XXI век»; Гуманитарные перспективы, 2010. — 415 с. : ил.

ISBN 978-5-91423-018-7 (Изд-во «Содействие — XXI век»)

ISBN 978-5-904649-01-2 (Гуманитарные перспективы)

Монография посвящена становлению и развитию институциональной теории. Дается развернутая характеристика взглядов основоположников институционализма: Т. Веблена, У.К. Митчелла, Д.Р. Коммонса. Большое внимание уделено предпосылкам, основным этапам и особенностям развития институциональных школ в различных странах. Несомненный интерес представляют исторические концепции старого и нового институционализма. Особые разделы посвящены теориям А.Дж. Тойнби, К. Поляни, К.-А. Виттфогеля, Л.Н. Гумилева, Р. Фогеля, Д. Норта, П. Дэвида и др. Рассматриваются концепции социального рыночного хозяйства и теории постиндустриального общества (Д. Белл, Дж.К. Гэлбрейт, П. Друкер, М. Кастельс, Э. Тоффлер, А. Турен, Ф. Фукуяма).

Анализируются становление эволюционной экономики (Й.А. Шумпетер) и основные этапы развития неинституционализма (Р. Коуз, О. Уильямсон, Г. Беккер, Х. Демсец, А. Алчян, К. Менар и др.), права и экономики (Р. Познер), теории общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон). Специальная глава посвящена институциональному анализу экономики развития — концепциям А. Гершенкрона, Г. Мюрдаля, И. Валлерстайна, Э. де Сото, А. Сена. В заключительной главе анализируются этапы зарождения российской национальной школы институционализма.

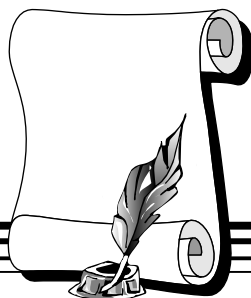
Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и факультетов, а также всех, кто интересуется актуальными проблемами современной экономической науки.

ISBN 978-5-91423-018-7
(Изд-во «Содействие — XXI век»)
ISBN 978-5-904649-01-2
(Гуманитарные перспективы)

УДК 32
ББК 60.0

© Нуреев Р.М., 2010
© Изд-во «Содействие — XXI век»,
Гуманитарные перспективы, оформление, 2010

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:	
КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ	10
Что такое методология?	10
Основные черты метода	13
ГЛАВА 1. ИСТОКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	32
1.1. От чего пытались уйти институционалисты. Классический либерализм как методологическая база классической школы	33
1.2. Критика торгашеского феодализма и обоснование буржуазного предпринимательства: Мартин Лютер и Жан Кальвин	36
1.3. От универсальной системы политической экономики к национальной: Фридрих Лист	46
1.4. Национальная экономика исторической школы	49
1.5. Материалистическое понимание истории: Карл Маркс	53
ГЛАВА 2. СТАРЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: КЛАССИКА	69
2.1. Между эмпиризмом историков и априоризмом теоретиков: Торстейн Веблен	70
2.2. Анализ экономической конъюнктуры: Уэсли Клар Митчелл	81
2.3. Основоположник транзакционного анализа: Джон Роджерс Коммонс	83

ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ:	
Й.А. ШУМПЕТЕР	86
3.1. Страницы биографии	86
3.2. Понятие предпринимателя у Й.А. Шумпетера	88
3.3. «Экономические циклы. Теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса»	90
3.4. «Капитализм, социализм и демократия»	92
3.5. «История экономического анализа»	95
ГЛАВА 4. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ТЕОРИИ ИСТОРИИ	119
4.1. Роль религии в развитии цивилизации: Арнольд Джозеф Тойнби	119
4.2. Роль географической среды в развитии этноса: Лев Николаевич Гумилев	122
4.3. Взаимосвязь социального и экономического в развитии человечества: Карл Поланьи	125
4.4. Политическая власть как основа экономики тоталитарных обществ: Карл-Август Виттфогель	132
4.5. Попытка модернизации марксизма в теории регуляции	134
ГЛАВА 5. КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА	139
5.1. Теория социального рыночного хозяйства	139
5.2. Практика социального рыночного хозяйства	146
ГЛАВА 6. ТЕОРИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	151
6.1. Основные концепции постиндустриального общества	151
6.2. Теория человеческого капитала	169
ГЛАВА 7. РАЗВИТИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: НЕОКЛАССИКА И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ	184
7.1. Понятие рациональности и его развитие в ходе становления неoinституционализма	184
7.2. Сравнительная характеристика «старого» и «нового» институционализма	194

7.3. Неоклассика и неoinституционализм: единство и различия	197
7.4. Основные направления неoinституциональной теории	200
ГЛАВА 8. ПРАВО И ЭКОНОМИКА	216
8.1. Теория прав собственности	216
8.2. Экономический анализ права Р. Познером	228
ГЛАВА 9. СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА	233
9.1. Переосмысление роли государства в новой политической экономике	233
9.2. «Теория порядка» и конституционная экономика ...	236
9.3. Джеймс Бьюкенен: страницы биографии	238
9.4. Государство защищающее и государство производящее	243
9.5. Основные проблемы и структура теории общественного выбора	246
9.6. Эволюция взглядов	248
ГЛАВА 10. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	251
10.1. Институционализм в теориях экономической истории	251
10.2. Институциональные аспекты «фогелевской» новой экономической истории (на примере экономического анализа рабства)	258
10.3. Теория институциональных изменений Д. Норта	264
10.4. Теория зависимости от траектории п редшествующего развития	273
10.5. Экономическая история как глобальная конкуренция институтов	295
ГЛАВА 11. ЭКОНОМИКА РАЗВИТИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ	302
11.1. Концепция трех эшелонов развития капитализма Александра Гершенкрона	302
11.2. Нестареющий совет Гуннара Мюрдаля	304

11.3. Мир-системный анализ	
Иммануила Валлерстайна	317
11.4. Роль внелегальной экономики:	
Эрнандо де Сото	322
11.5. Амартия Сен: «Развитие как свобода»	342
ГЛАВА 12. РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:	
НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	358
12.1. «Учиться, учиться и учиться»... капитализму	358
12.2. Сила и слабость российского	
институционализма: на пути к национальной школе	374
12.3. «Конец и снова начало»	391
ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ	
«ИСТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»	394

Предисловие

Интерес к институционализму в России растет с каждым годом. Если в начале девяностых годов прошлого века исследованиями и пропагандой идей институционализма занимались единицы, то сегодня армия институционалистов насчитывает тысячи ученых и преподавателей.

Однако институциональная экономическая теория неоднородна. В России получило развитие в основном неoinституциональное направление в институциональной экономической теории. Наряду с ним, хотя и в меньшей мере, развивается и старый, или традиционный, институционализм в вебленовской традиции. Но мало кто из профессиональных экономистов, студентов и аспирантов знает, что перечисленными двумя направлениями современная институциональная экономическая теория не исчерпывается. Она гораздо разнообразнее и богаче, как в теоретическом, так и в методологическом смыслах, более того, история ее возникновения и развития еще не написана.

Перед Вами, дорогой читатель, — необычная книга. Она является результатом работы одного из известных российских институционалистов, который занимался ею последнюю четверть века. Первые работы на эту тему были написаны Рустемом Махмутовичем Нуреевым еще в середине 80-х гг. XX века. Это были разделы для Всемирной истории экономической мысли (ВИЭМ) в 6 томах, и впервые они были опубликованы в I томе ВИЭМ в 1987 году. Последние публикации, представленные в этой монографии, датированы началом

2010 года. Таким образом, автор уже имеет основание подвести некоторые итоги своего большого творческого пути. Особенно приятно, что эта книга подготовлена к 60-летию Р.М. Нуреева — Заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации, доктора экономических наук, ординарного профессора Государственного университета — Высшей школы экономики.

Задуманная как сборник, книга постепенно превратилась в монографию по становлению и развитию институциональной экономической теории. Автор из скромности называет свою работу «очерками», хотя даже не слишком искушенному в институционализме читателю понятно, что это исследование покрывает основные этапы становления экономической мысли.

Особое внимание автор уделил взглядам представителей классического институционализма — Т. Веблену, У.К. Митчеллу, Дж.Р. Коммонсу. Однако он не ограничился работами классиков и довольно подробно проанализировал институциональную методологию теории истории (А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилев, К. Полањи, К.-А. Виттфогель). Несомненный интерес вызовет анализ концепции социального рыночного хозяйства и разбор концепций постиндустриального рыночного общества.

Р.М. Нуреев известен как автор первых отечественных учебников по теории общественного выбора и экономике развития, институциональной истории и национальной экономике, поэтому неудивительно, что отдельные главы и параграфы посвящены этим направлениям. Это наглядно показывает мультидисциплинарность институционализма и, следовательно, всей монографии.

В ней также есть уникальные разделы, не получившие отражение в отечественной научной и учебной литературе. В этой редкой работе по истории институционализма Вы найдете характеристику концепций М. Лютера и Ж. Кальвина, Л. Гумилева и К.-А. Виттфогеля, А. Гершенкрона и И. Валлерстайна и др.

Необходимо отметить, что тема институционального анализа истории является одной из главных в монографии, поэтому автор уделяет такое большое внимание и национальной экономике исторической школы, и материалистическому пониманию истории, и институциональным аспектам новой экономической истории.

В монографии успешно реализована попытка отобразить широкий спектр научных направлений, которые связаны с генезисом и развитием институционализма. Отличительной чертой монографии является мультидисциплинарность. Именно широта затронутых проблем и их оригинальная авторская трактовка делают книгу уникальной и незаменимой при изучении эволюции институционализма. Монография заинтересует не только экономистов. Не менее интересной она будет представителям других общественных наук, прежде всего политологам и социологам.

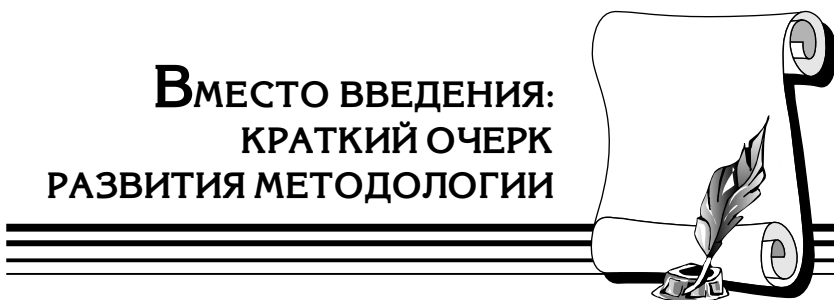
Профессор Нуреев является видным организатором международного научного сотрудничества. Он является организатором и сопредседателем Международной ассоциации институциональных исследований. Данная монография издается при участии и поддержке Ассоциации.

Автор понимает, что российский институционализм за короткий промежуток времени прошел довольно длинный путь в своем развитии и уже близок к тому, чтобы сформировалась национальная школа российского институционализма. Хочется надеяться, что данная книга послужит делу научной коммуникации между различными течениями современной институциональной экономической теории, в рамках которой научная школа Р.М. Нуреева стала значительным явлением.

Монография создает необходимые предпосылки для дальнейшей работы и подготовки фундаментального учебника по истории институционализма. Хочется пожелать автору и его ученикам плодотворной работы в этом направлении.

В.В. Вольчик

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ

*Философствование без системы не
может иметь в себе ничего научного.
Всякое содержание получает свое
оправдание лишь как момент целого.*

Г. Гегель

Что такое методология?

Методология — это исследование концепций, теорий и основных принципов рассуждения, принятых в той или иной науке, способ, которым устанавливается соотношение между теорией и реальностью. Методология экономической науки — философия науки в ее приложении к экономике. Она определяет систему вопросов, которую призвана решать теория, способы обоснования экономических теорий, интерпретацию предлагаемых решений.

Стиль научного познания формирует методологию, которая, в свою очередь, определяет метод в широком смысле слова. Под методом в широком смысле слова мы понимаем формальную, математическую или диалектическую логику. Каждая из них состоит из совокупности методов, понимаемых уже в более узком смысле слова (рис. 1). Это может быть анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и сравнение. В свою очередь выделяют различные виды анализа и синтеза, индукции и дедукции.

В процессе познания мы наблюдаем взаимный переход предмета и метода. Метод формирует новое содержание

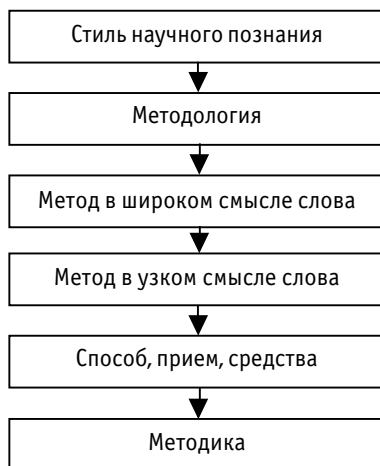

Рис. 1. Соотношение методологии и метода
(в узком и в широком смысле слова)

теории, способствует формированию ее новой структуры, одухотворяет «тело науки». С годами происходит возрастание значения методологии в процессе познания. Этому способствуют изменение в экономической действительности, развитие метода (приемов и способов познания), а также изменения в самой экономической теории (рис. 2).

Повышенный интерес к методологии особенно заметен в период существенных перемен в экономической науке, когда изменяются представления о том, что надлежит исследовать и с каких позиций, какой использовать для этого инструментарий, как интерпретировать и применять полученные результаты. Так было в 1870–1890-е гг., когда обострилась дискуссия между представителями исторической школы и маржинализма; так было в 1930-е гг., когда на смену неоклассике пришло кейнсианство; так было и в 1970–1990-е гг., когда неоклассика потеснила кейнсианство, а мейнстрим столкнулся с критикой со стороны альтернативных теорий. Вполне объясним и повышенный интерес к методологии в современной

Рис. 2. Причины возрастания значения методологии

России, где на смену марксизму в конце 1980-х — начале 1990-х гг. приходит неоклассика.

Однако некритическое восприятие западной экономической теории, наивная экстраполяция ее рекомендаций в условиях необычного перехода от командной экономики к рыночной привели к кризису макроэкономики, причем не только в транзитивных странах, но и в странах Запада, в которых до этого она безмятежно развивалась. Ее рекомендации были больше рассчитаны на стационарное состояние, чем на эпоху бурных и глубоких перемен.

Традиционно в экономической науке различают позитивный и нормативный аспект (табл. 1). Однако различия между позитивной и нормативной экономической теорией не сводятся только к описаниям и предсказаниям. Различия опираются на методологические суждения и ценностные суждения. Поэтому давно уже в экономической науке ведется дискуссия о том, существует ли свободная от ценности экономиче-

Таблица 1

Экономическая теория — наука или искусство?

Позитивный	Нормативный
Есть	Должно быть
Факты	Ценности
Объективный	Субъективный
Описательный	Предписывающий
Наука	Искусство
Истинный / ложный	Хороший / плохой

ская наука. Экономист редко выступает в роли технократа. Он живет в обществе и не может не разделять представления тех или иных социальных групп и классов. Это предопределяет искажения даже при оценке простых фактов. Впрочем, на протяжении всей истории экономическая наука развивалась между сциллой априоризма и харибдой эмпиризма.

Основные черты метода

Метод (от греч. *methodos* — путь к чему-либо) — учение о происхождении, структуре, взаимосвязях, субординации, способах оптимального решения, развитии и эффективности всей совокупности познавательных средств.

В процессе познания происходит переход субъективного в объективное и обратно. Метод включает одновременно познание свойств и законов изучаемого объекта и целесообразную деятельность познающего субъекта (рис. 3). Субъект познания не может не учитывать особенности того предмета, который изучает. Это накладывает на него определенные ограничения. Однако, с другой стороны, изучает этот объект конкретный индивид со всеми его достоинствами и недостатками, поэтому метод не может не отражать особенности данного индивида. Это касается отдельных людей, но, если взять социальные науки, то в обществе объект познания (общество) и субъект познания совпадают. Потому что познавать могут только люди, живущие в нем и погруженные в него. Отсюда возникает проблема понимания изнутри (*Verstehen*).

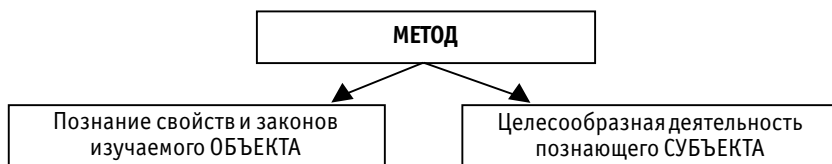

Рис. 3. Две стороны метода

Главным методом XIX — первой половины XX в. был верификационизм, который опирался на метод дедукции и с помощью него пытался вывести все многообразие экономических явлений. Именно этот метод лежит в основе построений А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса. Господствовала гипотетико-дедуктивная модель, согласно которой универсальные законы получали свое объяснение через покрывающие законы. Имело место то, что Марк Блауг называл «предсказание назад». Защитная методология была рассчитана на то, чтобы оградить науку от любых нападок.

Дальнейшее развитие традиции мы находим в работах Джона Эллиота Кернса «Характер и логический метод политической экономии» (1875), Джона Нэшвилла Кейнса «Предмет и метод политической экономии» (1891), Лионела Роббинса «Эссе о природе и значении экономической науки» (1932) и новых австрийцев (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек).

Во второй половине XX в. произошло возрастание роли фальсификационизма (табл. 2). Это было связано прежде всего с работами Карла Поппера «Логика и рост научного знания» (1934), Теренса Хатчисона «Значение и основные постулаты экономической теории» (1938) и др. Научные экономические исследования, считали эти авторы, должны ограничиваться лишь эмпирически проверяемыми утверждениями. Такая методология позволила Милтону Фридману в «Эссе о методологии позитивной экономической науки» (1953) выдвинуть тезис об иррелевантности предположений.

Таблица 2

Верификационизм vs. Фальсификационизм

Направления	Экстремальный априоризм	Центризм	Экстремальный эмпиризм
Представители	Л. фон Мизес Ф. Найт Л. Роббинс	Ф. Цойтен П. Самуэльсон О. Ланге М. Фридман Ф. Махлуп	Т. Хатчисон

Системный метод исследования — детище XX в. Однако предпосылки его возникновения складывались еще в XIX в. в процессе перерастания формальной логики в математическую. Именно в этот период Д. Буль создает алгебру логики, а У. Джевонс и Э. Шрёдер — первую систему математической логики.

В начале XX в. А.А. Богданов (1873–1928) попытался создать всеобщую организационную науку — тектологию, которая, по мысли ее творца, как и математика, отвлекается от конкретного характера элементов системы, изучая их с точки зрения организованности или дезорганизованности. Это позволяет объединить на основе общего строения социально-экономические, энергетические и биологические процессы. В основе такого объединения лежит идея равновесия: статического и динамического. В соответствии с этим подходом А.А. Богданов делил все системы на уравновешенные и не уравновешенные.

Мощным импульсом для развития экономического моделирования стали теория и практика народнохозяйственного планирования в СССР (ГОЭЛРО, межотраслевой баланс 1923–1925 гг., модели экономического роста Г.А. Фельдмана и др.). В 1939 г. Л.В. Канторович создал метод линейного программирования. Развитие технических наук (теории машин и механизмов, теории связи и информации), математики (теории алгоритмов, математической логики, теории вероятности, математического программирования), а также биологии и физиологии (исследование систем регулирования в живых организмах, учение И.П. Павлова о высшей нервной деятельности и т.д.) способствовало возникновению во второй половине 1940-х гг. кибернетики. «Отцом» новой науки стал американский исследователь Н. Винер. Кибернетика возникла как наука об управлении сложными динамическими системами (независимо от того, является ли такая система механической конструкцией или живым организмом).

Применение кибернетических принципов к экономике увенчалось в начале 1960-х гг. созданием экономической кибернетики (В.С. Немчинов, О. Ланге, Г. Греневский, С. Бир и др.).

Методы сбора данных

Развитие эмпирических методов исследования экономических процессов создало необходимые предпосылки для анализа национальной экономики. При изучении социально-экономических процессов используются разнообразные методы сбора информации: официальная статистика, анкетные опросы, интервью, контент-анализ, результаты голосований, лабораторные эксперименты и т.д.

Анкетные опросы и интервью широко используются в качестве зондажа общественного мнения. Значение их возрастает в ходе избирательного процесса и достигает пика перед выборами. Импульс к их широкому распространению дали исследования Дж. Гэллапа, который в 1936 г. (опираясь грамотно на составленную им выборку) за пять месяцев до выборов предсказал победу Ф. Рузвельта.

Анкетный опрос не всегда обеспечивает надежность данных, поэтому часто используются различные виды интервью: стандартные выборочные, направленные (фокусированные) и специализированные. Особенностью направленного интервью является отсутствие заранее разработанного жесткого опросника. Объектом такого опросника являются представители особых групп — элит. Выявление их мнения позволяет построить правильные гипотезы о мотивах и значимости принятия тех или иных политических решений. В отличие от направленного интервью, которое дает информацию об уникальных в своем роде респондентах, специализированное интервью адресовано прежде всего типичным представителям населения определенной социальной группы (пенсионерам, заключенным, рабочим-иммигрантам и т.д.). Характер аудитории

определяет как специфический набор вопросов, так и форму их постановки¹.

Метод контент-анализа основан на исследовании содержания документов и публичных выступлений, позволяющих сделать выводы о намерениях коммуникатора (политического деятеля, партии и т.д.) и эффектах его сообщений. Объектом анализа могут быть телевизионные каналы, периодические издания, публикации, протоколы комитетов собраний, выступления политических деятелей, письма и т.д. Как часто, например, упоминается то или иное понятие или явление (свобода, национализация, конфликт и т.д.) в передачах телеканала, публикациях газет, выступлениях конкретного политического лидера и т.д. В чем состоят качественные различия в освещении того или иного события в материалах центральных или региональных изданий и т.д.

В последние десятилетия все большее значение приобретают экспериментальные методы исследования. *Эксперимент* — это искусственное воспроизведение явления или процесса с целью изучения его в наиболее благоприятных условиях и дальнейшего практического изменения. Конечно, ученые, занимающиеся анализом национальной экономики, не могут поставить лабораторные эксперименты. Однако возможно включение отдельных экспериментальных элементов в процесс исследования. Особенно это необходимо делать при подготовке новых реформ в сфере образования, социальной политики, пенсионного обеспечения и т.д.

Основные этапы моделирования

Распространение системных методов исследования сопровождалось бурным развитием экономико-математического моделирования и его применением в экономике и полити-

¹ Блестящее использование методов интервью см.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура России: От повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.

логии. Экономико-математические модели получили широкое развитие и в теории общественного выбора.

Экономическая модель — это формализованное описание экономического процесса или явления, структура которого определяется как его объективными свойствами, так и субъективным целевым характером исследования.

Создание модели связано с потерей части информации (рис. 4). Это позволяет абстрагироваться от второстепенных явлений, сконцентрировать внимание на главных элементах системы и их взаимосвязи. Известные величины, вводимые в модель в готовом виде, называются *экзогенными*; величины, которые получаются в рамках модели при решении поставленной задачи, называются *эндогенными*. Связь модели с объективной экономической действительностью двояка: с одной стороны, модель отражает реальный мир, является его условным воспроизведением, а с другой — служит его преобразованию в соответствии с поставленными целями. Поэтому в процессе верификации модели происходит ее конкретизация и уточнение.

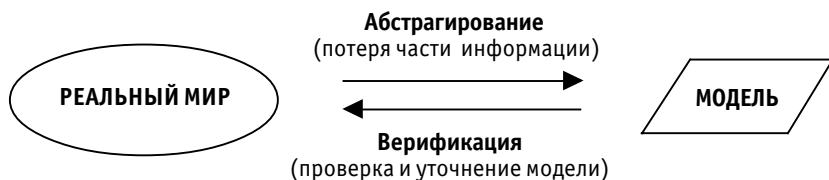

Рис. 4. Взаимосвязь модели и реального мира

Рассмотрим процесс моделирования более подробно. Процесс построения модели проходит ряд этапов (рис. 5). Анализ экономического поведения, как правило, носит не сплошной, а выборочный характер. Поэтому на первом этапе происходит отбор наблюдений того процесса, который предстоит моделировать. Успех в поиске и постановке оригинальной проблемы зависит от многих факторов, среди которых не последнюю роль играют интуиция, личный опыт исследователя, а также удача.

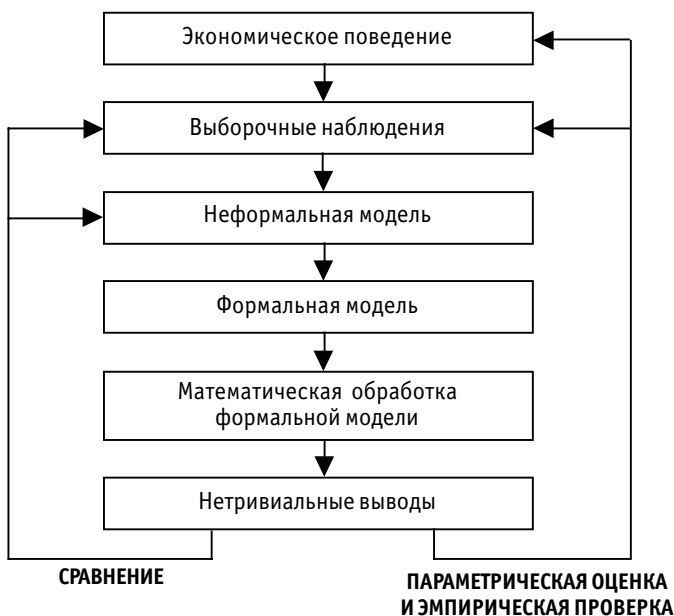

Рис. 5. Процесс моделирования

Составлено по: Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М.: Весь Мир, 1997. С. 470.

Сформулированная гипотеза оформляется сначала в виде неформальной модели. ***Неформальная модель*** — это такая модель, в которой объясняющие и объясняемые переменные не определены еще достаточно строго. На этом этапе исследователь рассматривает разнообразные предпосылки и пытается понять, какие из них абсолютно необходимы, а какие носят относительно избыточный характер.

Начинающий исследователь обычно рассматривает уже имеющиеся в литературе модели и пытается выбрать из них ту, которая лучше всего отражает моделируемую ситуацию. Не следует, однако, забывать, что если сформулированная гипотеза несостоятельна, улучшить ее не смогут никакие

математические модели. С годами исследователь набирается опыта и поэтому создает такую модель, которая более адекватно служит реализации поставленной цели.

Формальная модель — это такая модель, в которой все переменные определены математически строго. Она предполагает стандартный набор приемов и ее возможные выводы поддаются прогнозу. Но это не означает, что прогноз обязательно реализуется, хотя цели, средства, инструменты исследования уже четко определены. Именно на этой стадии возможны многочисленные ошибки, так как перевод неформальной модели в формальную связан с потерей части информации и с неадекватным определением ее содержания в математическом аппарате. Сам математический аппарат предполагает определенные допущения, которые могут быть неадекватны неформальной модели (например, рациональность избирателя, постоянство его предпочтений и т.д.).

Этап математической обработки формальной модели включает в себя различный арсенал методов (логических, игровых, алгебраических, вероятностных и др.). Этот этап, с одной стороны, позволяет использовать одинаковые математические средства для решения различных политических и экономических ситуаций. Однако, с другой стороны, он часто позволяет сделать на основании стандартного математического аппарата нетривиальные выводы. Поэтому возникает проблема их адекватной интерпретации. Это заставляет сравнить их с теми наблюдениями, которые позволили сформулировать неформальную модель и уточнить или развить ее. Возможно, выборка была неадекватной, и наша неформальная модель оказалась «прыжком в заключение». Или, наоборот, мы можем расширить первоначальную гипотезу и сделать ее более общей теорией. Такого рода сравнения уточняют параметрическую оценку и подготавливают более строгую эмпирическую проверку, которая выступает завершающим шагом моделирования.

Эмпирическая проверка может завершиться созданием самостоятельной эконометрической модели. Однако эмпи-

рическая проверка бывает нужна далеко не всегда. Исследование может завершиться созданием универсальной теоретической модели, которая сама по себе обладает определенной прогностической силой. В любом случае, модели, которые позволяют составить реальные прогнозы, пользуются большей популярностью среди политологов и экономистов. К сожалению, их число относительно невелико. Дело в том, что во многих экономических процессах большую роль играет элемент случайности, который нередко сводит на нет хорошо составленные прогнозы.

Поэтому закономерно возникает вопрос о том, нужны ли модели вообще. Современная наука дает на него однозначно положительный ответ — нужны. Хотя, конечно, любое моделирование имеет свои достоинства и недостатки. Остановимся сначала на достоинствах.

Во-первых, модель, значительно упрощая действительность, помогает отделить главные черты от второстепенных, внутренние от внешних, постоянно повторяющиеся от случайных. Во-вторых, модель помогает формализовать происходящие в обществе события. Формализация приводит к значительному уточнению первоначальных эксплицитных представлений, типичных для обыденного сознания и неформальных моделей. В-третьих, модели позволяют более точно определить существующие закономерности, о которых мы могли догадываться, и до создания модели более строго определить структуру тех или иных явлений, временные лаги и т.д. Именно эта особенность математического моделирования позволяет составлять точные прогнозы. В-четвертых, моделирование позволяет установить сущностные взаимосвязи более высокого уровня, увидеть черты общности у разнородных явлений. Это делает возможным использовать модели, созданные в институциональной теории, в смежных областях, а модели, созданные в других областях знания, — в теории институционализма. Это особенно заметно на примере эконометрических методов анализа.

Методы анализа институциональных процессов

Все методы анализа экономических процессов можно разделить на две большие группы: количественные и качественные. К первой относятся статистический и эконометрический анализ, ко второй — различные гуманитарные методы. Первая группа основана прежде всего на позитивизме, вторая — на релятивизме.

В экономической теории доминируют методы анализа первой группы. В ее рамках выделяют различные виды моделей: одномерные, двумерные и многомерные. Простейшим видом модели является *модель с одной переменной*, которая позволяет ответить на простые вопросы типа: каков электорат данного кандидата, сколько избирателей проголосовало за ту или иную партию и т.д.

Более сложным видом является *двумерная (бинарная) модель*, которая позволяет связать несколько переменных. При этом возможны различные варианты. Чтобы их объяснить, обычно используется либо таблица взаимной сопряженности признаков, либо корреляционный анализ. Корреляционный анализ показывает, как изменение значения одной переменной влияет на другую, каково содержание и форма этой связи.

Множественный анализ позволяет построить регрессионные, интерактивные, путевые и многофакторные модели. *Регрессионные модели* помогают провести изолированный анализ влияния каждой независимой переменной и определить силу этого воздействия. *Интерактивная модель* позволяет исследовать цепочку взаимодействий. Как правило, эти цепочки бывают незавершенными и тогда прибегают к *моделям путевого анализа (пат-анализа)*, который помогает построить цепь прямых и не прямых воздействий одной переменной на другую. **Многофакторный анализ** позволяет ответить на вопрос о зависимости нашей системы

переменных от одного или ряда базовых факторов, скрытых от наблюдения.

Значительные успехи теории общественного выбора связаны с применением эконометрических методов анализа². **Эконометрика — это раздел экономики, занимающийся разработкой и применением статистических методов для измерения взаимосвязей между экономическими переменными.** Наиболее широкое развитие в экономике получили такие эконометрические приемы, как модели структурных уравнений, анализ временного ряда и нелинейные оценки.

Модели структурных уравнений были заимствованы из статистики и получили развитие применительно к таким экономическим ситуациям, которые предполагают, что все объясняющие переменные даны экзогенно, находятся за пределами самого эксперимента и имеют неслучайный характер.

Анализ временных рядов особенно важен при изучении процессов, длительных во времени. **Временной ряд — это набор показателей измерения переменных в различные моменты времени.** Анализ изменения переменных во времени дополняется анализом переменных, изменяющихся в пространстве. **Пространственная выборка — это набор показателей, измеряющих значение переменных для разных экономических единиц в данный момент времени.**

В экономических моделях широко используется эконометрический аппарат, поэтому кратко остановимся на некоторых базовых понятиях.

Математическое ожидание дискретной случайной величины — это взвешенное среднее всех ее возможных значений (в качестве весового коэффициента берется вероятность соответствующего исхода).

² Об основных этапах развития применения эконометрических приемов в политической методологии см.: King G. On political methodology // Political Analysis. 1991. Vol. 2. P. 1–29.

$$E(x) = x_1p_1 + x_2p_2 + \dots + x_np_n = \sum x_ip_i.$$

Такой исход может быть как смещенным, так и несмещенным. **Несмещенность** — это когда математическое ожидание оценки равнялось соответствующей характеристике генеральной совокупности. **Смещенность** — это разница между математическим ожиданием и соответствующей теоретической характеристикой генеральной совокупности.

Анализ эконометрических моделей предполагает доказательство их состоятельности (или несостоятельности). **Состоятельной** называется такая оценка, которая дает точное значение для большой выборки независимо от входящих в нее конкретных наблюдений.

Простейшим видом моделей является модель парной линейной регрессии:

$$y = \alpha + \beta x + u,$$

где x — объясняющая переменная;

$\alpha + \beta x$ — неслучайная составляющая;

u — случайный член.

Ее графическое изображение показано на рисунке 6. Построение такой линейной зависимости связано с использованием обычного метода наименьших квадратов — МНК (*ordinary least squares* — *OLS*).

Причинами существования случайного члена являются: неполный учет важнейших факторов (невключение в модель объясняющих переменных), чрезмерное агрегирование переменных, неправильное описание структуры модели, ошибочная функциональная спецификация, а также ошибки измерения.

В 1980–1990-е гг. быстро развивается класс моделей с нелинейными параметрами. Они получили широкое применение в таких областях, как выявление систематических предубеждений на основе статистики опросов общественного

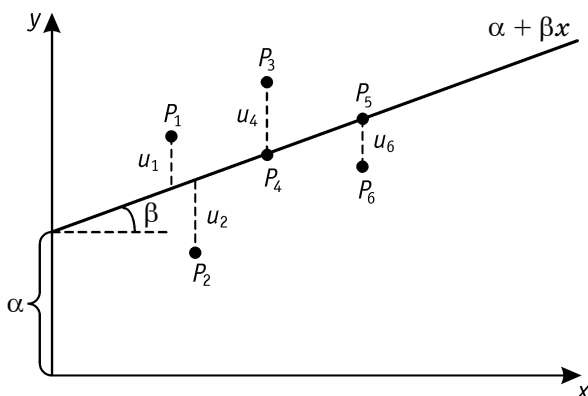

Рис. 6. Модель парной линейной регрессии

мнения, а также в большинстве структурных уравнений и работе с временными рядами³.

Изучение естественного хода явлений и процессов экономической жизни ставит на повестку дня проведение экспериментов. Экономический эксперимент — это искусственное воспроизведение экономического явления или процесса с целью изучения его в наиболее благоприятных условиях и дальнейшего практического изменения. Эксперименты могут

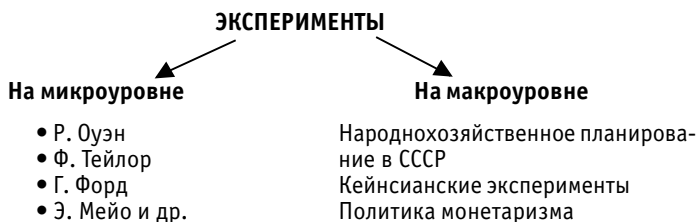

Рис. 7. Классификация экспериментов

³ См., напр.: Rivers D. Heterogeneity in models of electoral choice // American Journal of Political Science. 1988. Vol. 32. P. 737–757; Jackson J.E., King D.E. Public Goods, Private Interests and Representation // American Political Science Review. 1989. Vol. 83. P. 1143–1164; Jackson J.E. Estimation of the models with the variable coefficients // Political Analysis. 1992. Vol. 3. P. 27–49.

проводиться как на микро-, так и на макроуровне, как в условиях рыночной экономики, так и вне ее (рис. 7).

Сознательное массовое экономическое экспериментирование — порождение XIX в. Наиболее известные экономические эксперименты, проведенные на микроуровне, связаны с деятельностью Р. Оуэна, «банками справедливого обмена» П.Ж. Прудона, а также с теоретиками научной организации труда, производства и управления — Ф. Тейлором, Г. Фордом и Э. Мейо.

Широкие эксперименты на макроуровне проводились в СССР с первых лет советской власти. На Западе они связаны прежде всего с именами Дж.М. Кейнса, М. Фридмана и их последователей. В последующий период роль экономических экспериментов заметно возросла, и в настоящее время серьезная, научно обоснованная политика немыслима без проведения широких и разнообразных экономических экспериментов. Экономические эксперименты позволяют на практике проверить обоснованность тех или иных экономических рекомендаций и программ, не допустить крупных народнохозяйственных ошибок и провалов.

Первый учебный эксперимент, который наблюдал будущий нобелевский лауреат Вернон Смит, был поставлен его учителем Эдвардом Чемберлином, автором классической книги по теории монополистической конкуренции. Эксперимент был посвящен установлению рыночного равновесия. Все студенты были разделены на покупателей и продавцов и у каждого из них были бюджетные ограничения (уровень издержек для продавцов и денежные средства у покупателей). Выяснилось, что участники торга, которые согласно теории не могли совершить сделку, в эксперименте ее совершали, и даже с некоторой выгодой для себя. А те, которые, согласно теории, должны были ее сделать, оказались вытесненными с рынка. И это оказалось не случайностью, а определенной закономерностью. Во всяком случае, такие эффекты случались с высокой вероятностью, доходившей до 25%.

Хотя, по мнению Э. Чемберлина, эксперимент в целом подтвердил теорию, он выявил несколько новых моментов. Выяснилось, что реальное равновесие зависит от гораздо большего числа факторов, чем предполагалось в теории. Даже верный результат, оказывается, может быть достигнут разными путями. К тому же экономический рынок на самом деле представлял из себя своеобразную систему субрынков, конфигурация которых менялась с каждой новой сделкой. В ходе эксперимента возникли не только технические, но и методологические проблемы.

Дело в том, что, с одной стороны, проводимые эксперименты могут показаться стороннему наблюдателю довольно примитивными, тогда как, с другой — слишком сложными. В ходе их проведения оказывается, что на конечный результат влияет слишком много переменных, которые очень трудно контролировать и которые значительно искажают результаты, так легко получаемые в процессе математического вывода моделей. Уже этот первый эксперимент фактически предопределил два направления в будущей экспериментальной экономике. Одно направление увлечено проверкой и подтверждением существующих гипотез, другое — находится в оппозиции к официальной науке и стремится использовать их для ее полной дискредитации.

Эксперимент, в котором участвовал В. Смит, очень понравился ему. Он его усовершенствовал и в январе 1956 г. провел уже самостоятельно. Эксперимент, который он готовил больше года, занял на обычном семинаре всего 6 минут. Позднее он обобщил его в статье, вышедшей в 1962 году.

Значение этого эксперимента трудно переоценить, потому что Смит не только пытался воспроизвести реальные отношения, но и учил студентов ставить себя на место партнера. В результате ему удалось оживить безликие математические формулы бессубъектной экономики. Так родилась экспериментальная экономика, как новое направление экономической науки. Но это не значит, что такие эксперименты

не проводились в экономике и раньше. Тем не менее это случалось от случая к случаю и не имело того методологического обоснования, которое оно получило в трудах В. Смита. Несомненно, это было веление времени и экспериментальная экономика развивалась параллельно с успехами неоинституционализма. Экспериментальная наука близка институциональной экономике, которая изучает взаимоотношения между людьми в условиях сложившихся институтов. Именно институты определяют формальные и неформальные взаимоотношения между людьми по поводу производства, распределения, обмена жизненных благ. Однако, в отличие от институциональной экономики, она пытается уточнить и дополнить *main stream*, проверяя его выводы и положения.

Любая научная деятельность включает в себя ряд основных аспектов. Эмпирическое исследование позволяет на базе конкретных данных построить рабочую гипотезу, которая благодаря ценностным установкам исследователя превращается в теорию. Теория позволяет не только понять данный эмпирический мир, но и предвидеть возможности его будущего развития. Таким образом, исследователь становится не просто наблюдателем, но и активным действующим лицом, способным в какой-то мере повлиять на развитие общества

Рис. 8. Интегральная концепция социальных наук Дж. Гальтунга

Источник: Galtung J. Essays in Metodology. Vol. I. Metodology and Ideology. Copengagen, 1977. P. 41–71.

в определенном направлении. Эта взаимосвязь теории и практики удачно представлена в интегральной схеме социальных наук Дж. Гальтунга (рис. 8).

Гальтунг рассматривает три аспекта научной деятельности: эмпиризм, критицизм и конструктивизм. Именно их взаимодействие и переход обеспечивают развитие науки. Они позволяют не только описать существующие явления и процессы, но и создать предпосылки для исправления и улучшения реальности. Как эти аспекты помогают понять экономические явления и процессы, мы покажем в следующих главах.

Экономическая теория отстает от тех процессов и явлений, которые наблюдаются в реальной жизни. Возникает противоречие между *main stream* и сложной экономической реальностью, которое особенно видно в странах догоняющего развития. Возникновение многих явлений и процессов, труднообъяснимых с точки зрения *main stream*, предопределило кризис современной неоклассики. Попытка проверки многих теоретических положений с помощью прикладной эконометрики лишь усугубила этот кризис. Точность, достигаемая в отдельных исследованиях, не позволяет построить картину целого. Она становится самоцелью, развивая точечные исследования в ущерб обобщению. Проведение различных экспериментов и развитие экспериментальной экономики, к сожалению, также не способствовали выходу из методологического тупика. Поэтому сохранение неоклассики в качестве основного течения экономической мысли объясняется лишь слабостью альтернативных теорий. Появление многочисленных специальных журналов: *Economics and Philosophy*, *Journal of Economic Methodology*, *Research in History of Economic Thought and Methodology*, *Journal of Institutional Studies* и др. свидетельствуют лишь о постоянных поисках выхода из тупика. Однако, для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть историю науки в ее необходимости. Ведь, как справедливо заметил Г. Гегель, история

науки (мышление о предмете) и составляет то целое, из которого нужно исходить для того, чтобы понять место и роль каждого отдельного элемента, части в логической системе понятий (рис. 9). Поэтому изучение истории экономической науки в целом и ее альтернативных течений в особенности становится чрезвычайно актуальным для того, чтобы выйти из затянувшегося кризиса экономикса. Наше исследование, посвященное истории институционализма, также можно рассматривать как скромный шаг в этом направлении.

КАК РАЗРЕШАЕТСЯ АНТИНОМИЯ ЦЕЛОГО И ЧАСТИ?

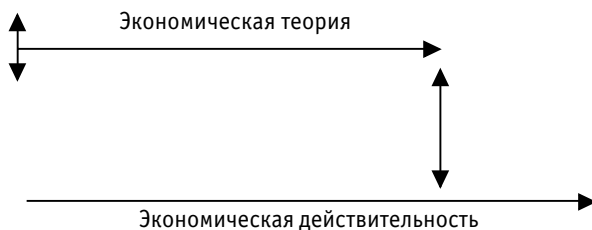

Рис. 9. Развитие экономической теории (взятой в необходимости) как ключ к решению назревших противоречий

История науки и составляет то целое, из которого нужно исходить для того, чтобы понять место и роль каждого отдельного элемента, части в логической системе понятий.

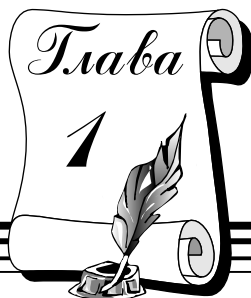
Именно поэтому история институционализма представляет несомненный интерес. История институционализма помогает понять место и роль отдельных категорий в составе целого. Настоящее издание не претендует на историю институционализма, взятую в необходимости. Оно отражает публикации автора по этому вопросу за последнюю четверть века. Поэтому в начале каждой главы указаны места первоначальной публикации собранных текстов. Однако в процессе работы над книгой мы позволили себе в ряде случаев отклониться от оригинала, чтобы получился не механиче-

ский сборник, а нечто похожее на монографию. Понимая, что мои публикации не охватывали всех частей современного институционализма, было решено назвать их скромно — очерками, в которых институциональная методология теории истории представлена лучше, чем другие разделы современного институционализма.

В заключение хочется выразить слова благодарности всем тем, кто помог в подготовке настоящей монографии к печати, и в первую очередь докторам экономических наук, профессорам Вячеславу Витальевичу Вольчику, Вячеславу Валентиновичу Дементьеву — инициаторам написания этой книги, а также тем, кто способствовал реализации этой идеи: превращению замысла в реальность: доктору социологических наук, профессору Юрию Валерьевичу Латову, кандидатам экономических наук Сергею Георгиевичу Шульгину и Евгению Валерьевичу Маркину и студентам Илье Альбертовичу Мензелеву и Артуру Рустамовичу Ханнанову. Без их активной и творческой помощи эта книга не скоро бы увидела свет.

Истоки ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА¹

В первой главе будут рассмотрены предпосылки и основные тенденции развития институциональной теории. Особое внимание будет уделено ее взаимосвязям с основным течением экономической мысли. Эти взаимосвязи были отнюдь не простыми и, как отношения настоящей любви, никогда не протекали гладко. Они прошли через тернии и испытания. Однако в ходе их обогатились обе теории. Институционализм постоянно критиковал *main stream*, но и сам развивался под воздействием критики со стороны неоклассики. В настоящее время каждая из этих теорий отталкивается от другой, предполагает другую и даже создает себя как другое. Это привело к преобразению и неоклассики, и институционализма, который настоящее время представляет из себя довольно сложное направление экономической мысли, направление, которому принадлежит будущее.

Институциональная теория возникла и развивалась как оппозиционное учение сначала политической экономии, а потом экономикс. Неслучайно американский экономист Бен Селигмен охарактеризовал старый институционализм как «бунт

¹ Первоначальный вариант введения и первого раздела главы опубликован в книге: Институциональная экономика: учебник / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 26–29 (2-е изд. 2007; пер. на англ. The Institutional Economics of Russia's Transformation. Ed. By Anton N. Oleinik. ASHGATE, 2006. P. 3–5).

против формализма» (Селигмен Б., 1968. Ч. 1). «Бунт» — потому что институционалисты пытались выдвинуть альтернативную основному учению концепцию, «против формализма», а также потому что они стремились отразить в экономической теории не только формальные модели и строгие логические схемы, но и живую жизнь во всем ее многообразии. Чтобы понять причины и закономерности развития институционализма, а также главные направления его критики основного течения экономической мысли кратко охарактеризуем методологическую основу «мейнстрима» (*main stream*) — классический либерализм.

1.1. От чего пытались уйти институционалисты. Классический либерализм как методологическая база классической школы

Все представители классической политической экономии строили свои концепции на основе единого представления о природе человека, об обществе, о правительстве и т.д. Согласно классической либеральной парадигме, человек имеет собственные интересы, он сам способен отстаивать их в активной автономной деятельности, причем наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокупность индивидов; «общественные интересы» — как производные от личных; лучшим считается то общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы. Правительство, по мнению классических либералов, создается свободными людьми для защиты установленных конституцией прав, именно этой функцией государство и должно ограничиваться. Поскольку не существует объективных методов, позволяющих за индивидов определять их предпочтения, то именно

индивиды должны сами решать, что правильно и что ложно, максимизируя свою функцию полезности.

Свобода — ключевая категория либеральной доктрины — трактуется как отсутствие принуждения, как синоним автономности и независимости. Публичная власть возникает только в результате соглашения индивидов, и только индивиды могут определить разумные границы этой власти. Равенство понимается как создание равных возможностей (а не как равенство результатов); при этом акцентируется внимание на равной защите прав, установленных конституцией. Суд должен осуществлять защиту прав в соответствии с конституцией и наказывать тех, кто нарушает права других. Экономическая эффективность достигается тогда, когда ресурсы достаются тем, кто может их наилучшим образом использовать (уплатив, соответственно, наибольшую плату). Результатом является Парето-эффективность — ситуация, в которой ни один человек не может улучшить свое благосостояние, не ухудшая тем самым положение других людей. Четкое определение прав индивидов создает предпосылки для эффективного функционирования рыночной экономики, выявляет ее коренные преимущества в сравнении с другими экономическими системами.

Трактовка происхождения государства и права как результата свободного договора свободных индивидов ведет происхождение от популярной в Новое время теории «общественного договора» (социального контракта). Эта концепция изначально была иллюзией особого рода — современностью, опрокинутой в прошлое. Она родилась в эпоху религиозных войн, когда освященная традициями феодальная регламентация стала постепенно уступать место сознательному регулированию гражданского общества. Это было время обостренного понимания справедливости; честность и бизнес казались многим несовместимыми. Развитие контрактной этики, культуры соблюдения договоров стало просто необходимо. Происходит коренное переосмысление прав и свобод,

дарованных каждому индивиду «от рождения». Одним из основоположников теории общественного договора был английский философ и экономист Джон Локк (1632–1704). Именно в его трудах мы находим обоснование понятия частной собственности как необходимой предпосылки гражданского общества и договорную интерпретацию полномочий государственной власти².

Теория общественного договора рассматривает свободу как «естественное состояние», основу которого составляют права на жизнь, на свободу и на собственность. Именно эти три права образуют конституционный базис гражданского общества. Каждое из этих прав создает предпосылки для другого, переходит в другое, создает себя как другое. Право на жизнь реализуется в деятельности, подчиненной счастью и выгоде. Право на свободу отрицает политическое рабство, деспотизм. Право на собственность выступает как предпосылка и гарантия этих прав. Свободная деятельность основывается на независимом суждении, индивидуальном выборе и сознательном целеполагании. Свобода совести, слова, печати, собраний выступает как важнейшая предпосылка независимой деятельности, выбора профессий, свободы передвижений.

Конечно, концепция «естественных прав» и «общественного договора» отражала не реальный процесс политогенеза, а программные требования «третьего сословия» в его борьбе с абсолютистским государством. Эта концепция является абстракцией, идеальным образом рыночного хозяйства, где все люди — простые товаропроизводители, действующие в условиях совершенной конкуренции. Таковы были методологические основы классической политической экономии. Чем же она не устраивала институционалистов?

² См.: Локк Дж. Два трактата о правлении. Кн. 2 // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 262–356.

1.2. Критика торгашеского феодализма и обоснование буржуазного предпринимательства: Мартин Лютер и Жан Кальвин³

Некоторые институциональные идеи были высказаны задолго до рождения институционализма как самостоятельного течения экономической мысли. К их числу, без сомнения, относится попытка разграничения торгашеского феодализма раннекапиталистического предпринимательства.

В XIV — первой половине XV в. заметно оживилось развитие промышленности в Германии. Этому способствовали укрепление цехового строя, расширение торговли, увеличение добычи серебра. Германия занимала в то время первое место в Европе по добыче этого благородного металла. Однако факторы, способствовавшие ускорению ее социально-экономического развития, оказались недолговечными. В конце XV—XVI в. цеховой строй уже все больше тормозил развитие: шел процесс «замыкания цехов». Великие географические открытия привели к переориентации главных торговых путей. Усиливавшееся отставание немецкой промышленности, по сравнению с промышленностью других европейских стран, приводило ко все большему оттоку благородных металлов из Германии. В условиях феодальной раздробленности в стране не оказалось силы, способной защитить национальную промышленность от конкуренции иностранных товаров. Развитию как внешней, так и внутренней торговли препятствовало то, что Германская империя состояла почти из тысячи княжеств и территорий. Процесс перехода к капитализму затянулся. Буржуазные тенденции оказались слабыми, а феодализм был еще достаточно силен и пытался своими феодальными методами приспособиться к меняющимся условиям. Дух наживы и жажда стяжательства проникают в среду

³ Впервые опубликовано: Всемирная история экономической мысли: в 6 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 362–369.

феодалов. Их интересы все глубже, все теснее переплетаются с ростовщичеством, усиливая эксплуатацию крестьянства и бюргерства. «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях»⁴. Возникает отвратительное явление позднего Средневековья — торгашеский феодализм. Развивающиеся товарно-денежные отношения обостряют и обнажают социально-экономические противоречия, разрушая феодальные патриархальные формы, маскировавшие эксплуатацию в более ранний период. Перед идеологами бюргерства встают проблемы разграничения раннекапиталистического предпринимательства, с одной стороны, и позднефеодального стяжательства — с другой⁵. Появляется необходимость, во-первых, социально-экономического, политического и идеологического (морально-этического и даже религиозного) оправдания «честного» (основанного на законах капиталистической конкуренции) «делания денег» и, во-вторых, осуждения паразитического (основанного на насилии и грабеже, ростовщичестве и внеэкономическом принуждении) накопления богатств класса феодалов.

Положение осложнялось тем, что монополией на образование и культуру в этот период обладали церковные феодалы, католическая церковь. Она выступала, по меткому замечанию Ф. Энгельса, «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁶. В отличие от светских феодалов церковь опиралась на строгую иерархию и действовала как наднациональная, в известном смысле космополитическая, феодальная организация. В этих условиях выступить с критикой религиозного мировоззрения означало нанести удар не только по отдельному

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 145–146.

⁵ Подробнее см.: Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 40–44, 85–88.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 361.

феодалу, но и по феодальной системе в целом. Положение, однако, облегчалось тем, что отношения торгашеского феодализма проникли и в церковную среду. Разложение католической церкви проявлялось в разложении не только церковных институтов, но и христианского мировоззрения. Все больше обнажалось противоречие между первоначальным христианством и Римско-католической церковью позднего средневековья, которое проявлялось в форме противоречия между Священным писанием (Библией) и Священным преданием (декретами и постановлениями церковных соборов и Римского Папы).

Одними из первых, кто обратил внимание на это противоречие, были гуманисты Рудольф Агрикола (1444–1485), Якоб Вимфелинг (1450–1528), Себастьян Брант (ок. 1458–1521), Иоганн Рейхлин (1455–1522), Эразм Роттердамский (1469–1536), Генрих Бебель (1472–1518), Ульрих фон Гуттен (1488–1523). Наиболее крупный из них — Эразм Роттердамский (Герхардт Герхардс) в 1517 г. издал греческий текст Нового Завета и его латинский перевод, который сопровождал своим комментарием к евангелиям. Строго филологический подход к текстам Нового завета явился важной предпосылкой для последующей исторической критики Священного писания. В начале XVI в. такое издание создавало условия прежде всего для критики схоластического формализма и официальной философии господствующей католической церкви.

Наибольшую известность получило произведение Эразма Роттердамского, которое он назвал «Похвала Глупости». Используя форму пародии, Роттердамец издевается над порядками позднесредневекового общества. «...В человеческом обществе, — пишет он, — все полно глупости, все делается дураками и среди дураков»⁷. Поэтому, чтобы голос разума был услышан, он вынужден надевать на себя шутовской колпак.

Гуманисты подготовили Реформацию. Они так же, как позднее теоретики Реформации, обращались к раннему хри-

⁷ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М., 1983. С. 83.

стианству первых веков нашей эры в борьбе со схоластическим формализмом, невежеством и продажностью Римско-католической церкви, способствовали просвещению передовой, образованной части феодального общества. Тем не менее гуманизм носил элитарный характер, нуждался в поддержке меценатов, затронул лишь сравнительно небольшую часть интеллигенции. Необходимо было более демократическое учение, обращенное к более широкой аудитории, которое могло бы привести массы в движение. Оно должно было апеллировать не только к разуму человека, но и к его чувствам.

Как уже отмечалось, в силу господствующего положения католической церкви критика существующего строя не могла не принять форму богословской ереси — требования реформы церкви. Движение назад — обращение к первоисточнику — характерно для всякой религии. Однако в условиях становления капитализма критика разлагающейся католической церкви означала нападение на крупнейшего феодала, которому в Европе принадлежала треть земель. Требование реформы церкви превращалось, таким образом, в первый и сильнейший удар по феодальной системе в целом. Не случайно поэтому Ф. Энгельс назвал Реформацию первой буржуазной революцией. «Реформация, — лютеранская и кальвинистская, — писал он, — это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода»⁸.

Рассмотрим экономические взгляды теоретиков Реформации Мартина Лютера и Жана Кальвина подробнее.

Доктор богословия, магистр свободных искусств, монах-августинец **Мартин Лютер (Martin Luther, 1483–1546)** родился и вырос в бюргерской среде. 31 октября 1517 г. на двери своей церкви в Виттенберге он вывесил 95 тезисов против индульгенций, что положило начало Реформации в Германии. Лютер развивал тезис о том, что спасение души (оправдание) возможно прежде всего не через церковь и ее

⁸ Архив Маркса и Энгельса. М., 1948. Т. X. С. 356. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 85.

формальные обряды (и уж тем более не через покупку индульгенций), а через истинную веру — веру в Священное писание, а не в Священное предание. Позднее, уже в ходе Реформации, Лютер и его последователи пришли к отрицанию церковной иерархии, культа святых, церковного богатства и монашества, что способствовало подчинению духовной власти светской, упрощению церковной догматики и богослужения,

**Мартин Лютер
(1483–1546)**

объективно оправдывало секуляризацию церковных земель, открывало путь к созданию необходимой для буржуазии дешевой церкви. Неудивительно, что «под знаменем *бюргерско-умеренной лютеровской* реформы объединились имущие элементы оппозиции — масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатиться посредством конфискации церковных имуществ и стремившихся использовать удобный случай для завоевания большей независимости от империи»⁹.

Критика экономических основ торгашеского феодализма была органической составной частью взглядов М. Лютера¹⁰. М. Лютер различает внутреннюю и внешнюю торговлю, при этом одобряет первую и осуждает вторую. «Нельзя отрицать, — пишет он в книге «О торговле и ростовщичестве» (1524), — что купля и продажа — вещь нужная, без которой

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 364.

¹⁰ К. Маркс считал его старейшим немецким политико-экономом и неоднократно цитировал его произведения в «Экономических рукописях 1857–1859 годов», в «К критике политической экономии», в первом и третьем томах «Капитала», в «Теориях прибавочной стоимости». «Лютер, — писал Маркс, — знает капитал, естественно, лишь в двух его допотопных [формах]: в форме капитала, приносящего проценты, и торгового капитала». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 555.

нельзя обойтись; и можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо и патриархи покупали и продавали таким образом скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага... Но *внешняя торговля*, которая из Калькутты и Индии и т.д. привозит товары вроде драгоценных шелков, золотых изделий и пряностей, служащих роскоши, а не пользе, и высасывает из страны и из населения деньги, не должна была бы допускаться, если бы мы имели единое правление и государя»¹¹.

В критике внешней торговли слышатся не только натурально-хозяйственные, но и ранние меркантилистские мотивы. Лютер выступает прежде всего против торговли предметами роскоши, которая развивает «щегольство и обжорство». Он критикует и торговлю предметами первой необходимости (в частности, английским сукном), ибо такая торговля способствует оттоку из страны золота и серебра. Это происходит потому, что существует политическая раздробленность страны. Единое немецкое государство, по его мнению, препятствовало бы этому процессу. Утечка драгоценной монеты из страны способствует росту задолженности ростовщикам.

Лютер выступает против оправдания высокой купеческой прибыли риском, связанным с торговлей. К тому же на практике, считает он, торговля нередко сопровождается грабежом и разбоем. «Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного в том, что бог делает так, что столь большое имущество, несправедливо приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен... Так он бьет одного злодея другим...»¹²

Однако наибольшую ненависть вызывает у Лютера ростовщичество. Его критике посвящена и другая специальная

¹¹ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 430.

¹² Цит. по: там же. Т. 25. Ч. I. С. 364.

работа — «Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества», изданная в Виттенберге в 1540 г. Экономические взгляды Лютера тесно связаны с его религиозной концепцией, в частности с его теорией двух порядков. Понимая, что в современной ему действительности невозможны отношения между людьми в строгом соответствии со Священным писанием, он обосновывает необходимость светской власти. Главной задачей светской власти и церкви в этот период должна была стать, по мысли Лютера, борьба с ростовщичеством. Светская власть при этом должна действовать силой, а церковь — убеждением и советами. При этом, считает Лютер, князья должны управлять разумно, т.е. не только опираться на писанные законы и рекомендации юристов, но прежде всего действовать на благо своих подданных. Поэтому Лютер оправдывает мелкое ростовщичество сирот, вдов и стариков, если оно вызвано бедностью. К тому же он считает необходимым законодательно ограничить норму процента. Лютер приводит, в частности, в качестве исторических примеров деятельность Солона в Афинах и Неемии в Иудее, ограничивших процент по ссудам 12% в год, а также деятельность Александра Македонского и Юстиниана. Однако так как в раздробленной Германии «светская власть нерадива и ленива, а частично слишком слаба, чтобы защитить от такой беды (какой является ростовщичество. — Р.Н.), то священники, — считает Лютер, — должны учить народ и приучать его к тому, чтобы ростовщиков и скряг принимать за живых чертей...» Поэтому Лютер уделяет главное внимание разоблачению оснований для изъятия процента, учит распознавать замаскированные формы ростовщичества, различает ссуду и займ, кредит в товарной и денежной форме, т.е. по существу коммерческий и банковский кредит. Он гневно осуждает любые попытки оправдания взимания процента. Критикуя ростовщика, Лютер не только показывает страсть к накоплению, характерную для этой допотопной формы капитала, но и дает наглядный образ

капитала вообще. «Язычники, — писал Лютер, — могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца. Мы же, христиане, так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто грабит и ворует у другого его пищу, тот совершает такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как если бы он морил кого-нибудь голодом и губил бы его насмерть. Так поступает ростовщик; и все же он сидит спокойно в своем кресле, между тем как ему по справедливости надо бы быть повешенным на виселице... Поэтому на Земле нет для человека врага большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик, так как он хочет быть богом над всеми людьми... Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали, чтобы только у него одного было все и чтобы каждый получал от него, как от бога, и сделался бы навеки его крепостным...»¹³ Лютер рассматривает ростовщический капитал как накопленный (или, точнее, капитализированный) процент. «Вообще наиболее сильным моментом в его полемике, — пишет К. Маркс, — является то, что главным пунктом нападения он избирает *врастание процента в капитал*»¹⁴.

Другой его сильной стороной была критика торгашеского феодализма — союза ростовщиков и дворян. «...Исполняется пророчество Исайи, — писал Лютер, — князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и якшаются с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные вору вешают мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон: простые вору сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а государственные вору расхаживают в золоте и шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает

¹³ Luther M. An die Pfarrherren, wider den Wucher zu predigen. Vermahnung // Fabinnke G. Luther als Nationalökonom. Berlin, 1963. S. 220, 205, 219.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 555.

так, как он говорит устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, как бывает, когда выгорает город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов. Я опасаясь, что это уже на пороге»¹⁵.

Критикуя представителей торгашеского феодализма, Лютер выступает на стороне предприимчивого и делового хозяина, бюргера, превращающегося в мелкого буржуа. Поэтому он осуждает праздность, критикует сословную иерархию, утверждая, что между людьми есть «лишь различие по должности и делу, а не по званию»¹⁶. Он отмечает важнейшую роль труда в «призвании» человека.

Эти мотивы морального оправдания буржуазного предпринимательства получают еще большее развитие в учении о богоизбранности **Жана Кальвина (фр. Jean Calvin, также Cauvin; лат. вариант имени Ioannes Calvinus, 1509–1564).**

**Жан Кальвин
(1509–1564)**

В своем главном сочинении «Наставление в христианской вере» (1536) Ж. Кальвин развил учение о божественном предопределении. Согласно его вероучению, одних бог предопределил к спасению и вечному блаженству (избранные), других — к осуждению и вечным мукам (осужденные). Хотя предопределение фатально, никто, однако, не знает, что ждет его лично: спасение или осуждение. Каждый христианин должен думать, что именно он — божий избранник, и в своей деятельности, своей профессии должен доказать свою избранность. В качестве показателя избранности Кальвин берет

¹⁵ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 556.

¹⁶ Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации // Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1. С. 5.

денежное богатство — эту абстрактно-всеобщую, универсальную форму выражения успеха в капиталистическом обществе.

В соответствии с потребностями предпринимателей кальвинизм еще более упростил христианский культ, ориентируясь уже не только на Новый, но и на Ветхий Завет. Новое вероучение, выражая интересы буржуазии эпохи первоначального накопления, пропагандировало мирской аскетизм. Бережливость и расчетливость, скопидомство и накопительство объявляются первейшими гражданскими обязанностями каждого представителя нарождающегося класса предпринимателей. Кальвинизм стал идеологией наиболее передовой части буржуазии, теоретическим оружием Нидерландской и Английской революций. «...Там, где Лютера постигла неудача, — писал Ф. Энгельс, — победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неизвестных экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже наиболее священный экономический символ веры — стоимость золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов? Если лютеранство в Германии стало послушным орудием в руках князей, то кальвинизм создал республику в Голландии и деятельные республиканские партии в Англии и прежде всего в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии»¹⁷.

1.3. От универсальной системы политической экономии к национальной: Фридрих Лист

Одним из первых критику классической политэкономии начал немецкий экономист **Фридрих Лист (Friedrich List, 1789–1846)**. После окончания школы в 1814 году он в течение полутора лет изучал право в Тюбингенском университете. И уже в 1817 г. он был назначен профессором «Практики государственного управления» в этом университете. С самого начала он выступал как сторонник радикальных буржуазно-демократических реформ.

**Фридрих Лист
(1789–1846)**

В 1819 г. был основан Торгово-промышленный союз, главной задачей которого стала борьба за экономическое единство Германии, т.е. прежде всего отмена таможенных границ внутри страны. В 1819 г. Лист был избран в Вюртембергский парламент. Однако в момент избрания ему было меньше 30 лет и поэтому выборы были признаны недействительными. Тем не менее граждане, дождавшись «политического совершеннолетия», избрали его повторно.

Его радикальные взгляды послужили основой для обвинения в подстрекательстве, за что Ф. Лист был приговорен к

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 308.

10 месяцам тюрьмы. Возмущение общества приобрело такие размеры, что те, кто организовал этот суд, помогли ему организовать бегство за границу. После двухлетних скитаний он возвращается в Вюртемберг, где его ждет повторный арест. Он был выпущен на свободу в обмен на согласие эмигрировать в Америку.

В Нью-Йорке, занимаясь промышленным предпринимательством, он сделал приличное состояние, которое позволило ему в 1832 г. возвратиться в Европу уже в качестве консула США в Лейпциге.

Попытка организовать акционерное общество для строительства железной дороги «Лейпциг — Дрезден» не увенчалась успехом. Разочарование в финансовой деятельности привело его в Париж, где он пробыл с 1837 по 1840 г. В 1841 г. возвращается в Германию (в Аугсбург). В этом году выходит его «Национальная система политической экономии», где анализируются вопросы международной торговли, торговой политики и создания германского таможенного союза. Главным пафосом этой книги является воспитание протекционизма. Однако эта идея не сразу завоевывает гражданского общества. Разуверившись во всем, Ф. Лист в 1846 г. кончает жизнь самоубийством.

В своей «Национальной системе политической экономии» (1841) Ф. Лист подходит к политической экономии не как к универсальной и самой совершенной системе, а как к исторической науке, выделяя пять стадий экономического развития наций. Такой исторический подход не случаен, ведь Ф. Листу хотелось в первую очередь отразить особенности развития своей страны. А что может быть более национальным чем история? Поэтому, критикуя космополитическую экономию А. Смита, Ф. Лист выступает прежде всего как национальный экономист. «Политической экономии меновых ценностей» он противопоставляет национальную экономическую теорию производительных сил, в центре которой не разделение труда, а приоритет внутреннего рынка

над внешним. Понимая, что принципом сравнительных преимуществ могут воспользоваться прежде всего богатые государства, а фритредерство (*free trade*) выгодно передовым нациям, он отстаивает комплексное развитие Германии (гармоничное сочетание фабрично-заводской промышленности с земледелием) под прикрытием протекционистской политики (табл. 1.1). Лист считает, что повышение цен вследствие протекционистской политики будет средством промышленного воспитания нации.

Таблица 1.1

Ф. Лист как критик А. Смита

	А. Смит	Ф. Лист
Взгляды	Космополит	Националист
Политэкономия	Меновых ценностей	Производительных сил
Источник богатства	Разделение труда	Приоритет внутреннего рынка над внешним
Преимущества	Принцип сравнительных преимуществ	Сочетание фабрично-заводской промышленности с земледелием
Внешняя политика	Фритредерство	Протекционизм

Именно взгляды Ф. Листа предопределили развитие исторической школы, подготовившей становление институциональной экономики как самостоятельной дисциплины. Историческая школа стала протестом против формализма и абстракций классической политэкономии, в которой человек превратился во второстепенную деталь, своего рода рациональную акциденцию. Она отразила возросшее сознание роли, которую играет человеческий фактор в развитии человечества.

1.4. Национальная экономика исторической школы

В своем развитии историческая школа прошла три этапа: старую (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс), новую (Г. Шмоллер, К. Бюхер) и новейшую (В. Зомбарт, М. Вебер).

Обоснование исторического подхода содержится уже в трудах **Вильгельма Рошера (Georg Friedrich Wilhelm Roscher, 1817–1894)**, который почти 50 лет был профессором Лейпцигского университета. В 1843 и 1854 гг. выходит его «Программа лекций по историческому методу», в которой абстрактному теоретизированию автор противопоставляет исследования экономической теории во всем ее неповторимом своеобразии.

**Вильгельм Рошер
(1817–1894)**

Идея исторического метода находит последовательного приверженца в трудах профессора **Бруно Гильдебранда (Bruno Hildebrand, 1812–1878)**. Изучение экономической истории невозможно без большо-

**Бруно Гильдебранд
(1812–1878)**

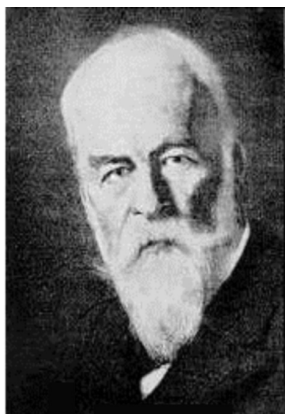
го количества статистических данных. Именно Гильдебранду принадлежит честь основания первой статистической службы в Швейцарии.

В 1848 выходит его «Политическая экономия настоящего и будущего», а в 1864 г., когда он уже работает профессором в Йене, — «Натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство».

Активным сторонником исторического метода являлся и профессор из университета Гейдельберга **Карл**

Книс (Karl Gustav Adolf Knies, 1821–1894). В 1853 г. выходит его «Политическая экономия с точки зрения метода».

Однако наибольшее развитие исторический метод получает в трудах представителей новой исторической школы. Фактический глава этого направления **Густав Шмоллер (Gustav von Schmoller, 1838–1917)** в 1874 г. публикует «Новую концепцию народного хозяйства», в которой критикует два основных заблуждения, типичных для классической школы, исходившей из неизменной нормальной формы народного хозяйства и природных и технических данных, как абсолютных факторов, определяющих организацию любого общества. В качестве позитивной программы он выдвигает скрупулезное описание фактического хозяйственного поведения. Критикуя классическую политэкономия, Г. Шмоллер подчеркивал роль неэкономических факторов развития, и прежде всего моральных норм, этики и культуры в хозяйственной деятельности.

**Густав Шмоллер
(1838–1917)**

**Карл Книс
(1821–1894)**

Противоположность взглядов К. Менгера и Г. Шмоллера наглядно представлена в таблице 1.2, где видно, что различными являются предмет, метод и основные направления исследования.

Дальнейшее развитие исторический метод получил в трудах **Карла Бюхера (Karl Bücher, 1847–1930)**. В 1893 г. выходит его основное произведение «Возникновение народ-

Таблица 1.2

К. Менгер vs. Г. Шмоллер

	К. Менгер	Г. Шмоллер
Предмет исследования	Человек	Народное хозяйство
Методологический принцип	Индивидуализм	Холизм
Основные направления исследования	Закономерности между элементами хозяйственной жизни (выбор благ, распределение дохода и т.д.)	Практические проблемы сквозь призму этики
Метод исследования	Дедуктивный	Индуктивный

ного хозяйства», в котором он выделяет три основные ступени развития: 1) замкнутое домашнее хозяйство, 2) городское хозяйство и 3) народное хозяйство. Для замкнутого домашнего хозяйства характерна работа на заказ, для городского хозяйства типичной становится работа на купца-посредника, а для народного хозяйства — работа на фабриканта-предпринимателя.

Традиции старой и новой исторической школы продолжили Вернер Зомбарт и Макс Вебер. Однако в отличие от основоположников интерес представителей новейшей исторической школы сдвигается в сторону институционального анализа.

Вернер Зомбарт (Werner Sombart, 1863–1946) анализировал роль институтов в формировании своеобразных черт экономического строя, рассматривая генезис современного капитализма как своеобразное проявление жизни духа. В 1902 г. выходит его «Современный капитализм», в 1911 г. — «Евреи и хозяйственная жизнь», в 1913 г. — «Роскошь и капитализм» и «Буржуа», в 1915 г. — «Герои и торговцы», в 1934 г. — «Немецкий социализм».

**Карл Бюхер
(1847–1930)**

Приведем в качестве примера его работу «Буржуа», которая имеет характерный подзаголовок «Этюды по истории духовного развития современного экономического человека». Здесь мы находим чрезвычайно любопытную типологизацию предпринимателей. Этот класс, по мнению В. Зомбарта, сформировали бывшие разбойники, феодалы, спекулянты, купцы, государственные деятели и ремесленники. Главные функции предпринимателя, по мнению Зомбарта, организационные, торговые и счетоводные, а главные формы — конкуренция эффективности (ценовая), внушения (реклама) и насилия (монополия). Именно В. Зомбарт вводит понятие «конъюнктура», выделяя две основные фазы экономического цикла — «подъем» и «спад». Подъем характеризует спекулятивно-стяжательскую сторону капитализма, тогда как спад — калькуляторско-организационную. Первая способствует экспансии капиталистической системы, сопровождающейся диспропорциями и противоречиями. Их обострение приводит к тому, что необходимо свести концы с концами и навести порядок в разросшемся социально-экономическом организме.

**Вернер Зомбарт
(1863–1946)**

Макс Вебер (Max Weber, 1864–1920) показал многообразие типов капитализма: политического, империалистического, фискального, промышленного и даже капитализма парий. Однако, пожалуй, наибольшее воздействие на современников оказали идеи М. Вебера, сформулированные им в работах «Протестантская этика и дух капитализма» и «Три чистых типа легитимного правления»¹⁸. Первая работа, напрямую

¹⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 44–135: Weber M. Die Drei Reinen Typen der legitimiert Herrschaft: Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik. Stuttgart, 1956.

связавшая генезис рыночного хозяйства со спецификой европейской цивилизации, с уникальностью протестантской ментальности, остро поставила вопрос о традиционализме жизни в других странах, о невозможности в связи с этим быстрой капиталистической модернизации тогдашней периферии мирового хозяйства.

Проведенная М. Вебером классификация основных («идеальных») типов правления показала, что они покоятся на разных основаниях: рационально-легальный — на законодательно оформленном рациональном праве, традиционный — на исторически сложившихся нормах, харизматический — на преданности личности лидера, вере в его уникальные способности: героизм, силу духа и ораторский талант. Анализ этих трех «идеальных» типов господства раскрыл не только их принципиальные различия, но и обосновал необходимость более адекватного цивилизационного подхода к анализу экономических явлений.

**Макс Вебер
(1864–1920)**

1.5. Материалистическое понимание истории: Карл Маркс¹⁹

Марксизм — созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом система философских, экономических и социально-политических взглядов, включающая диалектический и исторический материализм (материалистическое понимание истории),

¹⁹ Первоначальный вариант опубликован: Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 2. Введение к Части III. М.: Мысль, 1988. С. 320–322; Исторические судьбы учения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 87–103.

политическую экономию рабочего класса (теорию прибавочной стоимости) и так называемый «научный коммунизм» (обосновывающий установление диктатуры пролетариата при переходе к коммунистическому обществу).

Формирование марксизма было подготовлено всем предшествовавшим развитием. Завершение промышленного переворота в Англии означало создание адекватной материально-технической базы капитализма, принципиально нового уровня капиталистического обобществления труда и производства. В ходе замены мануфактурного производства фабричным происходят глубокие изменения в содержании и характере труда. Виртуозное мастерство ремесленников вытесняется однообразным механическим трудом. Рабочая сила становится товаром, а сам рабочий — живым придатком машины. Стремительными темпами растет урбанизация населения. Рыночные отношения приобретают всеобщий характер. На смену личной зависимости приходит вещная. Наемные рабочие все острее осознают свое отчуждение от того, что создано с помощью их рук и противостоит им в качестве капитала.

Экономические кризисы перепроизводства, обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией (чартистское движение, выступления рабочего класса в Лионе и Париже, восстание силезских ткачей и др.) все настойчивее ставят вопрос об исторических судьбах капитализма. Феодалный, мелкобуржуазный, «истинный», консервативный и критически-утопический социализм предлагают свои рецепты решения обнажившегося социального конфликта. Стремясь преодолеть разрыв между идеальными представлениями о справедливости и прозаической реальностью, они пытаются разрешить коллизии буржуазной жизни путем создания умозрительных конструкций. Неудивительно поэтому, что для большинства таких теорий характерны элементы романтизма и утопизма.

Молодой Маркс также стремился первоначально преодолеть «противоположность между действительным и должным»²⁰. А для этого необходимо было изучить противоречия реальной действительности и критически проанализировать попытки решения возникших проблем в истории философии, политической экономии и утопического социализма. Высшие достижения предшествующего духовного развития человечества — немецкая классическая философия, английская классическая политическая экономия и французский утопический социализм — стали основными источниками марксизма.

В середине 40-х — начале 50-х гг. XIX в. К. Маркс начинает осваивать предшествующую ему буржуазную политическую экономию, пытаясь преодолеть ее историческую ограниченность. Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс показывает, что частная собственность — результат отчужденного труда. Причиной отчуждения в свою очередь является стихийно развивающееся общественное разделение труда. Исследование взаимосвязи разделения труда и отношений собственности завершается открытием диалектики производительных сил и отношений общения («Немецкая идеология»). Анализ структуры отношений общения позволяет Марксу выделить из них в 1840-е гг. производственные отношения. Успеху исследований К. Маркса в немаловажной степени способствовала не столько противоположная официальной политической экономии классовая позиция (с точки зрения рабочего класса пытались решать проблемы экономической теории и социалисты-рикардианцы), сколько совершенная им революция в методе исследования. К. Маркс впервые применяет метод материалистической диалектики в анализе социально-экономических явлений. Это позволяет ему не только дать всестороннюю критику предшествовавшей политической экономии, но и

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 10.

поставить перед собой гигантскую задачу — с позиций рабочего класса создать научную систему категорий и законов капиталистического способа производства. В экономических рукописях 1857–1859 гг. была развита трудовая теория стоимости и создана теория прибавочной стоимости, обоснованы материальные предпосылки коммунизма. Разработанная Марксом теория товара и денег была опубликована в 1859 г. в работе «К критике политической экономии». Экономические исследования К. Маркса позволили ему совершить переворот в развитии взглядов на человеческое общество, сформулировать материалистическое понимание истории, которое в свою очередь способствовало дальнейшему углублению анализа политической экономии.

В результате интенсивных занятий К. Маркс к середине 1860-х гг. заканчивает работу над предварительным (черновым) вариантом всех четырех томов «Капитала». В сентябре 1867 г. вышел I том «Капитала», что имело огромное значение. Именно в этом произведении была глубоко разработана теория прибавочной стоимости, которую В. И. Ленин назвал краеугольным камнем экономической теории К. Маркса²¹. К. Маркс считал, что лучшими в I томе «Капитала» были изложение двойственного характера труда и анализ прибавочной стоимости независимо от конкретных форм ее проявления: прибыли, процента и земельной ренты²². Однако то, что казалось главным Марксу, не оказалось столь впечатляющим для его современников. Почему это произошло?

В неприятии I тома «Капитала» западным экономическим сообществом нет ничего удивительного, и в этом трудно искать (вслед за Марксом) какой-либо заговор молчания. Редкие академические сочинения получают всемирную известность сразу в момент их публикации. Для этого, во всяком случае, необходимы определенные предпосылки, кото-

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 45.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277.

рые в данном случае отсутствовали совсем. Маркс никогда не преподавал ни в одном мало-мальски известном университете. Свою докторскую диссертацию он получил довольно давно (в 1841 г.) в Йенском университете, известном тем, что это учебное заведение давало быстро и без споров отзывы на докторские диссертации. Публичной защиты (как в Советском Союзе) или широких диспутов (как в средневековых университетах), естественно, не было, как не было у Маркса и опыта преподавания в высших учебных заведениях. Уже этот простой факт легко объясняет задержку в распространении его идей. Чтение «Капитала» предполагает серьезный уровень подготовки — как специальной (необходимо знакомство, как минимум, с немецкой классической философией и английской и французской классической политической экономией), так и общей (необходимо, по меньшей мере, университетское гуманитарное образование, которое вряд ли можно было встретить в среде тогдашнего рабочего класса).

Не следует забывать и тот факт, что пик популярности трудовой теории стоимости (во всяком случае, в ее рикардianской трактовке) в академической среде давно уже прошел. В 70–90-е гг. XIX в. начинает получать все большее распространение теория предельной полезности. Хотя первые шаги в этой области были сделаны гораздо раньше (А. Курно в 1838 г., а Г. Госсеном в 1854 г.) лишь 1870-е гг. знаменуют качественный перелом в этой области: в 1871 г. публикуют свои работы У.С. Джевонс (1835–1882) и Карл Менгер (1840–1921), в 1874 г. — Леон Вальрас (1834–1910). Позднее появляются работы Эйгена Бём-Баверка (1851–1914) и Фридриха фон Визера (1851–1926). Теория предельной полезности дополняется в 1886 г. теорией предельной производительности Джона Бэйтси Кларка (1847–1938). Фактически все эти изменения естественно не нашли никакого отражения в последующих переизданиях и переводах первого тома «Капитала», подготовленных Марксом (1872 и 1875 гг.) и Энгельсом (1883,

1886 и 1890 гг.). На самом деле изменения носили кардинальный характер: вместо политической экономии как философии хозяйства появляется совсем другая наука — экономикс, выступающая как набор практических рецептов по оптимизации деятельности экономических агентов в условиях ограниченных ресурсов. Хотя формально термин появится позднее (в 1890 г.) реально почва была подготовлена уже в 70–80-е гг.

Происходит смещение центра экономических исследований. Если в центре внимания классиков английской политической экономии была сфера производства (А. Смит) и распределения (Д. Рикардо), то в построениях новых экономистов все большее значение приобретает сфера обмена и потребления. Изменяется и масштаб рассмотрения: в центре оказывается не государство, а фирма и индивид. Микроэкономические основы анализа рыночных структур вытесняют макроэкономический масштаб политической экономии. Меняется и сам анализ микроэкономических основ. Если в центре внимания А. Смита и Д. Рикардо был закон стоимости, то у Дж.С. Милля эту роль играет уже закон спроса и предложения, а у К. Менгера, У. Джевонса и Л. Вальраса — закон убывающей полезности. Изменяются не только цели и предмет исследования, но и метод анализа. На смену формальной и диалектической логике постепенно приходит логика математическая. В центре внимания исследователей оказываются сравнительная статика, оптимизационные и равновесные модели. Эти изменения обобщаются Альфредом Маршаллом (1842–1924) в его «Принципах экономикс» (1890).

Неудивительно, что в этих условиях замысловатые диалектические построения К. Маркса оказались невостребованными. С позиций тогдашней науки они казались более обращенными в прошлое, чем в будущее, более теоретическими, чем практическими. Будучи оторванным от современной академической науки, ее новейших поисков и открытий, он в тишине библиотеки Британского музея интересовался веко-

выми тенденциями развития политической экономии, с позиций которой новые веяния казались лишь вульгаризацией классических основ. Если Маркса интересовала стоимость как основание рыночных цен и весь первый том «Капитала» исходит из предпосылки соответствия цен стоимости, то его современников гораздо больше занимали случаи отклонения этих цен от стоимости. Если в центре внимания Маркса остается совершенная конкуренция, то в центре внимания неоклассиков — рыночные структуры, вырастающие из этой совершенной конкуренции: чистая и естественная монополия, монополистическая конкуренция и ценовая дискриминация, олигополия и монополия.

Совсем иная ситуация сложилась с изучением произведений К. Маркса в России. Русская цензура довольно нежно обошлась с произведениями К. Маркса, достигавшими пределов Российской империи. В 1848 г. было получено разрешение цензуры на ввоз в Россию «Нищеты философии», в 1867 г. — на распространение немецкого издания «Капитала», а в 1872 г. — его русского перевода.

Революционная интеллигенция, разуверившись в российском крестьянстве и в тактике терроризма после убийства Александра II, хотела опереться на объективный социально-экономический процесс. Детерминистские элементы в учении Маркса поэтому сразу привлекли внимание интеллигенции. В этом ее поддерживали легальные марксисты, для которых развитие промышленности и капитализма (а не изменение социально-классовой структуры общества) имело самодовлеющее значение.

Это не значит, что все идеи Маркса были восприняты без каких бы то ни было отклонений. Наоборот, многие из положений Маркса воспринимались довольно критически. Правда, это в основном была либеральная критика марксизма. В числе критиков были И.И. Кауфман (1848–1916), Л.А. Полонский (1833–1913), И.К. Бабст (1824–1881), Н.И. Зибер (1844–1888) и др. В 1890-х гг. появляются статьи Н.К. Михайловского

(1842–1904) против марксизма. А позднее даже возникает российский «катедер-социализм» (И.И. Иванюков, А.И. Чупров, А.А. Исаев).

Каковы же плюсы и минусы раннего распространения марксизма в России? Распространение марксизма в Российской империи «вширь» произошло в гораздо большей степени, чем это позволяли внутренние экономические, социальные или культурные условия. Но та же российская действительность стала тормозом для распространения марксизма в России «вглубь», для его развития в целостной и адекватной первоисточнику форме. В XX век Россия вошла имея уже сравнительно длительную, но не глубокую традицию марксизма. Действительно, настоящие, последовательные марксисты, овладевшие марксизмом не как набором догм, а как творчески развивающимся учением, адекватно понимающие его методологию и теорию, исчислялись в России единицами. Преобладали же в России совершенно неадекватные первоисточнику, извращенные формы марксизма. Это не мешало, однако, русским большевикам перейти в 1917 г. от теории к практике, к реальному воплощению квазимарксистских идей на $\frac{1}{6}$ части земного шара. Это произошло в результате своеобразной русификации марксизма. Большевики для этого творчески «развили» Маркса, который фактически создал настоящий миф о пролетариате и его исторической роли в освобождении человечества. Именно этот миф и получил дальнейшее развитие на российской почве в трудах большевиков, и прежде всего В.И. Ленина. Дело в том, что пролетариат в России рос не так быстро, как хотелось большевикам. Получалось, что если освобождение рабочих будет делом рук самих же рабочих (как считал, например, Г.В. Плеханов), ждать придется довольно долго. В этих условиях Ленин создает учение о партии нового типа, в котором происходит соединение марксизма с традициями русской революционности, и революционный волюнтаризм приходит на смену его книжно-кабинетному истолкованию. Фактически обосновы-

вается пролетарская революция в крестьянской стране, где мессианскую роль пролетариата выполняет хорошо организованная кучка революционеров, выступающая «от его имени и по его поручению».

Что же касается распространения идей марксизма вглубь, то здесь не только в России, но и в большинстве стран успехи были довольно скромные. Это объясняется прежде всего интеллектуальным уровнем учеников и последователей К. Маркса, а также непримиримым отношением основоположника научного коммунизма к своим оппонентам.

Почему же Марксу «не повезло» с учениками? Наверное, прежде всего потому, что он искал их в среде рабочего класса. Те немногие, которые вышли не из рабочей среды, к сожалению, не имели фундаментального экономического образования. Не секрет, что даже учившийся всю свою жизнь Фридрих Энгельс так и не получил университетского образования. «Интеллектуально и в особенности как теоретик он стоял значительно ниже Маркса»²³.

Тем не менее влияние популяризаторов и вульгаризаторов трудно недооценить. Именно они способствовали распространению народного марксизма, что является уникальным социальным феноменом, сравнимым разве что с распространением мировых религий! Первоначальной задачей первых популяризаторов стала систематизация марксизма. В 1893 г. появляется статья Ф. Меринга (1846–1919) «Исторический материализм», в 1895 г. — книга Г.В. Плеханова (1856–1938) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в 1896 г. — работа А. Лабриолы (1843–1904) «Очерки материалистического понимания истории». Все эти авторы происходили из более экономически отсталых южных или восточных районов Европы. Все они переписывались с Ф. Энгельсом, который оказал решающее влияние на становление их марксистских взглядов.

²³ Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 78.

Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» оказала большое влияние на социал-демократическую литературу. Идеи Ф. Энгельса отражались в книге П. Лафарга (1842–1911) «Собственность и ее происхождение» (1895), в монографии Р. Люксембург (1870–1919) «Введение в политическую экономию» (написанной в 1907–1913 гг. и опубликованной в 1925 г.) и других работах. Авторы этих трудов сосредоточивали свое внимание, главным образом, на обосновании материализма в исследовании отношений и исторически преходящего характера частной собственности. Популяризируя взгляды К. Маркса, П. Лафарг и Ф. Меринг преимущественно останавливаются на обосновании тезиса о зависимости политических и идеологических надстроек в обществе от его экономического основания.

Всякий отход от узкоэкономического объективизма воспринимался не только академическими учеными, но и социал-демократическими теоретиками как отступление от исторического материализма, отказ от основных заповедей марксизма. Механистическое обоснование материализма в познании социально-экономических явлений, акцент на изучении истории как естественно-исторического процесса привели к недооценке общественной практики и ее роли в преобразовании и развитии общества. Понимание истории как результата деятельности людей оказалось в тени. Это типично даже для К. Каутского и Г.В. Плеханова. Именно благодаря Г.В. Плеханову взгляд на орудия труда как на определяющий момент производительных сил получил широкое распространение.

Против объективистской трактовки марксизма и сведения его к экономическому материализму выступил А.А. Богданов (1873–1929). В отличие от Г.В. Плеханова центральным понятием философии марксизма А.А. Богданов считал практику, активность и живой труд.

Любопытно, однако, что и второе поколение марксистов вышло из Восточной и Центральной Европы. Это были более

подготовленные марксисты, которые написали свои крупные работы еще до Первой мировой войны. Практически этому поколению предстояло сыграть решающую роль в руководстве национальными рабочими партиями. Эти люди не были кабинетными учеными. Это было поколение, которое стремилось соединить марксистскую теорию с практикой рабочего движения. Теория им была нужна для обоснования практических действий. Многие из них по-своему интерпретировали учение Маркса: Рудольф Гильфердинг (1877–1941), Жан Жорес (1859–1914), Отто Бауэр (1881–1938), Владимир Ильич Ульянов (Ленин, 1870–1924), Лев Давидович Бронштейн (Троцкий, 1879–1940), Николай Иванович Бухарин (1888–1938). И именно благодаря их деятельности миллионы людей приняли анализ реальности, прямо или косвенно вытекающий из марксизма. Это стало одним из важнейших факторов, предопределившим развитие марксизма в XX в.

В начале XX в. появляются работы, пытающиеся развивать марксизм в «отраслевом» (работы К. Каутского по аграрному или О. Бауэра по национальному вопросу), или «национальном» (В.И. Ленин), направлении. Во второе десятилетие появляются и более сложные произведения, пытающиеся отразить новые явления капитализма. Это прежде всего работы по империализму: «Финансовый капитал» (1910) Р. Гильфердинга, «Накопление капитала» (1913) Р. Люксембург, «Империализм и мировая экономика» (1915) Н.И. Бухарина, «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1917) В.И. Ленина. Несмотря на очевидные достижения в этой области, они не были прямым продолжением «Капитала» К. Маркса. Они не развивали систему категорий и законов «Капитала», а дополняли или конкретизировали отдельные тенденции, отмеченные Марксом и, к сожалению, были гораздо ниже по уровню. Дело в том, что ни Георгий Плеханов, ни Карл Каутский, ни даже Владимир Ленин не поняли диалектики «Капитала» К. Маркса. Это наглядно видно по

их работам: «Наши разногласия» (1885) Г. Плеханова, «Аграрный вопрос» (1899) К. Каутского, «Развитие капитализма в России» (1899) В. Ленина и «Накопление капитала» (1913) Р. Люксембург. Неудивительно, что в 1914 году Ленин запишет, что «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса, и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял «Капитал» К. Маркса 1/2 века спустя!»²⁴

Конечно, Маркс не повинен в том, что написали его ученики, однако они развивали традиции марксистского активизма и волюнтаризма. Ведь это Маркс считал, что дело не только в том, чтобы объяснить мир, но и в том, чтобы изменить его; в том, чтобы «экспроприировать экспроприаторов»²⁵. Из этого революционного активизма выросли и теория постоянной революции Льва Троцкого, и диктатура пролетариата в трактовке Владимира Ильича Ленина, и экономический волюнтаризм Евгения Алексеевича Преображенского (1886–1937), и практика построения социализма в одной стране Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина, 1879–1953), и культурная революция Мао Дзе-дуна (1893–1976) и многие другие ультрареволюционные концепции.

К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничивались исследованием капитализма. На протяжении всей своей жизни они изучали докапиталистические способы производства, высказали ряд глубоких мыслей о будущей коммунистической формации и тем самым заложили основы политической экономики в широком смысле слова.

Созданное К. Марксом и Ф. Энгельсом учение с момента своего возникновения носит революционно-практический характер и направлено на коренное изменение мира. Сами основоположники марксизма были активными участниками революции 1848–1849 гг., явились основателями I и II Ин-

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, С. 4; Т. 23.

тернационала, деятельно поддерживали парижских коммунаров. Они стремились соединить марксизм с рабочим движением, чтобы сделать победу пролетариата в борьбе с буржуазией неизбежной.

Современникам Маркс был известен лишь по тем работам, которые публиковались весьма ограниченным тиражом в рабочей печати. Влияние учения Маркса на современников было довольно скромным. Более трех четвертей работ Маркса не были опубликованы при его жизни. Но и то, что было опубликовано, было издано в разных странах и на разных языках. Его публикации в *New York Tribune* были посвящены текущим событиям, полемические работы, вроде «Святого семейства» (1845) или «Нищеты философии» (1847), известны лишь узкому кругу друзей. «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (1867) в ту пору были еще не поняты современниками и игнорировались официальной академической наукой. Второй и третий тома «Капитала» были изданы Ф. Энгельсом уже после смерти Маркса (в 1885 и 1894 году), четвертый том — Карлом Каутским в 1905–1910 гг. Однако последний том стал достоянием широкой общественности лишь после его вторичной публикации Институтом Маркса — Энгельса — Ленина в 1954–1961 гг.

Революционные «Тезисы о Фейербахе» (1845) появились лишь в качестве приложения к работе Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» в 1888 г., «Наброски ответа на письмо В.И. Засулич» — в 1924 г., «Экономическо-философские рукописи 1844г.» — в 1932 г., «Немецкая идеология» (1845) — в 1932–1933 гг., «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» — в 1933 г., «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» — на языке оригинала в 1939–1941 гг., а на русском языке в 1968–1969 гг., «Экономическая рукопись 1861–1863 гг.» (тетради I–V, XV–XXIII) — в 1973–1980 гг., первая и третья главы второго варианта II тома «Капитала» — в 1981 г. и т.д. Несистемное восприятие экономического наследия К. Маркса,

абсолютизация в разные периоды развития отдельных опубликованных произведений, их анализ в отрыве от других сочинений основоположника марксизма привели к известному упрощению и вульгаризации его взглядов в социал-демократической литературе конца XIX — начала XX в., а также в советской экономической литературе 20–80-х годов.

Публикация сочинений растянулась на 100 лет, а понимание началось только в конце периода социализма. Долгое время не было главного: снятия сакральности с сочинений К. Маркса, понимания его не как пророка, а как живого человека, как развивающегося ученого. Первые шаги в этом направлении в нашей стране были сделаны только в 1970–1980 гг.

Однако в середине 1980-х гг. в России уже началась перестройка и кризис марксистской идеологии увлек за собой творческие находки нового поколения марксистов. Творческий марксизм стал казаться менее значимым, чем то, что было сделано в западной экономической науке за сто лет после смерти Маркса. Между тем влияние Маркса на западную экономическую науку оказалось, к удивлению советских людей, более чем скромным. В этом отчасти был повинен и сам Маркс.

Повысился ли интерес к экономическому учению К. Маркса в академической неоклассической науке развитых стран в конце XX в.? Скорее нет, чем да. Он оказался на периферии основного направления экономической мысли, которая пошла другим путем. Развитие марксистского анализа капитализма имеет определенные достижения, связанные с конкретизацией и дальнейшим развитием теории накопления капитала — исследованием экономических циклов перепроизводства, теории империализма, глобализации экономики и возникшими в этой связи проблемами взаимоотношений центра и периферии.

Совсем иная ситуация произошла с первым открытием Маркса. Интерес к нему с годами скорее возрастал, чем па-

дал. Новые поколения марксистов: Д. Лукач (1885–1971), К. Корш (1886–1961), А. Грамши (1881–1937), В. Бенъямин (1892–1940), М. Хоркхаймер (1895–1973), Г. Дела Вольпе (1897–1968), Г. Маркузе (1898–1979), А. Лефевр (1905–1991), Т. Адорно (1903–1969), Л. Альтюссер (1918–1990) — создали совершенно иную интеллектуальную среду для развития марксизма. С начала 1920-х гг. европейский марксизм все больше перемещается на Запад: в Германию, Францию и Италию. Хотя первые марксисты этого поколения (Д. Лукач, К. Корш и А. Грамши) первоначально были крупными политическими лидерами в своих партиях, постепенно они отошли от практических дел, сконцентрировавшись на вопросах теории. Это еще более характерно для младшего поколения. Будучи неординарными личностями, они никак не могли уложить свое творчество в прокрустово ложе коммунистического Интернационала. В 1920-е гг. впервые возникает центр марксистских исследований в капиталистической стране — Институт социальных исследований во Франкфурте, который поддерживал регулярные контакты с Институтом Маркса — Энгельса в Москве. Результатом этого сотрудничества стало начало издания *Marks-Engels Gesamtausgabe* (MEGA). Первый том вышел во Франкфурте уже в 1927 г.

После прихода к власти нацистов в 1933 г. Институт социальных исследований перемещается в США и развивается в рамках Колумбийского университета в Нью-Йорке, а после войны снова возвращается во Франкфурт (в 1949–1950 гг.). Деятельность этого Института была направлена на деполитизацию теоретических исследований, фактически отделение теории от политики способствовало углублению марксистского анализа. Однако в центре исследований западных марксистов оказались не экономические, а философские проблемы. Маркс был философом среди экономистов и экономистом среди философов. Любопытно отметить, что первая составляющая его творчества (философия) оказалась глубже и интереснее для потомков, чем вторая (экономика).

После всплеска леворадикальных настроений в конце 1960-х гг. возник новый интерес к неортодоксальному марксизму среди альтернативных мейнстриму течений. То, что, на первый взгляд, было в тени, постепенно стало интересным, но, как правило, больше философам, социологам, историкам, политологам и другим представителям смежных дисциплин, чем экономистам.

Маркс интересен везде, где осуществляются поиски альтернативы неоклассике. Неудивительно влияние марксизма на молодую историческую школу (В. Зомбарт) и австрийскую экономику (Э. Бём-Баверк), на традиционный (Т. Веблен, К. Поланьи, Г. Мюрдаль) и новый институционализм (право и экономика), новую экономическую историю (Д. Норт, Н. Розенберг), эволюционную экономику (Й.А. Шумпетер), посткейнсианство (Дж. Робинсон, П. Сраффа) и леворадикальную экономику (П. Баран, А. Эммануэль, И. Валлерстайн).

Итак, исторические судьбы марксизма оказались далеко неоднозначными. Чрезвычайная популярность теории, попытка сразу и непосредственно применить ее на практике, к сожалению, сыграла с ней злую шутку и была обращена не во благо человечества. Хочется надеяться, что спокойное, академическое изучение марксизма поможет хотя бы частично реабилитировать его в глазах современников и потомков и использовать его потенциал для решения тех проблем, которые историческое развитие ставит перед человечеством.